

Развязав потрёпанный узел, Чжао Лои достал вещь, которая показалась Ли Мэну смутно знакомой. Это был тот самый свиток из узорчатого шёлка, который учитель разглядывал сегодня на рассвете.

— Учитель? — непонимающе спросил Ли Мэн.

Чжао Лои перевернул свиток. На правом краю, вышитые летящим каллиграфическим почерком, красовались три иероглифа. Чёрный шёлк нитей отливал свежестью, будто их закончили выводить только вчера.

Ли Мэн порывисто прижал ладонь к ткани. Он судорожно сглотнул, не в силах поверить собственным глазам.

— В тот день, когда Хо Ляньюнь обыскивал меня, этого свитка при мне не было, — Чжао Лои равнодушно вскинул бровь и, положив короткий меч на стол, прищурился, разглядывая холодную сталь клинка.

Сопоставив одно с другим, Ли Мэн всё понял. Был ли обыск чистой случайностью или же Чжао Лои действовал намеренно, но ценнейшую вещь он успел припрятать в надёжном месте ещё до того, как к им ворвались. А за те два дня перед отъездом из Линьчжоу с его-то скоростью учителю ничего не стоило вернуться под покровом ночи и забрать спрятанное. Теперь, владея «Свитком Сотни Оружий», можно было явиться к дева Сяо, чтобы та вывела из его тела смертоносного паразита и спасла ему жизнь.

От этих мыслей у Ли Мэна пошла кругом голова, а на лбу выступила холодная испарина.

— Что у тебя с рукой? — Чжао Лои взял его за запястье.

Ли Мэн вздрогнул, возвращаясь к реальности, и небрежно высвободил руку.

— Да так, порезался случайно. Сам не заметил где.

«Даже если я сейчас приберу свиток к рукам, связаться с Сяо Чанчу всё равно не получится. К тому же Чжао Лои мгновенно обнаружит пропажу. Куда разумнее дождаться, пока дева Сяо сама выйдет на связь, и уже тогда выкрасть "Свиток Сотни Оружий"»

Приняв это решение, Ли Мэн заметно успокоился. Он аккуратно свернул узорчатый шёлк и поспешно убрал его обратно в дорожный узел.

— Такую ценность нельзя показывать кому попало, — наставительно произнёс юноша.

Чжао Лои молча следил за каждым его движением. Ли Мэн покосился на притихшего учителя

и с лёгким недоумением позвал:

— Учитель?

— Сегодня после полудня мы покидаем Юньинь, — наконец заговорил Чжао Лои. — Те каштановые пирожные, что мы брали в прошлый раз... Если они тебе понравились, сходи купи ещё. Пригодятся в дороге.

С этими словами он протянул Ли Мэну горсть монет. Пояснив, что им с Хо Ляньюнем нужно уладить одно дело, Чжао Лои велел ученику запастись провизией и ждать их возвращения в трактире.

Ничего не заподозрив, Ли Мэн отправился в путь. Однако дорога к ресторану «Превосходный вкус» почему-то вывела его к тому самому уединённому дворику, где дева Сяо удерживала его в заложниках.

Ворота усадьбы были наглухо заперты. Ли Мэн поколебался мгновение, но всё же решился подойти и постучать.

По ту сторону стены, в густой тени за углом, бесшумно затаился Чжао Лои. Он слегка пригнулся, сжимая в ладони короткий меч. Его пальцы плотно лежали на ножнах, готовые в любой миг обнажить клинок.

Он осторожно выглянул из укрытия. Хищный, по-ястребиному острый взгляд наставника подёрнулся досадой.

Скрипнули петли, ворота приоткрылись. На пороге показался незнакомый слуга.

— Мой хозяин прислал меня узнать, — вежливо обратился к нему Ли Мэн, — дева Сяо, Сяо Чанчу, всё ещё гостит у вас?

— Ты ошибся адресом, парень. Никаких дев Сяо мы знать не знаем, — неприветливо буркнул слуга и поспешно захлопнул створку.

Ли Мэн вздохнул. Примерно такого ответа он и ожидал, так что особо не расстроился. Плохо было другое: если Сяо Чанчу действительно покинула город, разыскать её будет чертовски трудно. А ведь его сейчас не заботило ничего, кроме собственного спасения. Жизнь висела на волоске, пока проклятый гу оставался внутри.

Чжао Лои издали наблюдал, как его ученик с понурой головой бредёт прочь от ворот, направляясь в сторону «Превосходного вкуса».

Вновь раздался громкий, настойчивый стук.

Привратник, которого опять лишили возможности прикорнуть на посту, раздражённо распахнул ворота, готовый разразиться бранью. Однако слова застряли у него в горле. Гость выглядел крайне угрожающе: тяжёлый взгляд, а над бровью белел старый, глубокий шрам. Обыватель невольно попятился.

— Кого... кого почтенный господин ищет? — робко спросил слуга.

— Юноша, что приходил минуту назад. О ком он спрашивал? — ледяным тоном осведомился Чжао Лои.

Привратник попытался изобразить глуповатую улыбку:

— Да не было тут никакого юноши, господин. Верно, вы обознались...

Договорить он не успел. В ладонь ему ткнулось нечто холодное и тяжёлое. Глянув на руку, слуга обомлел: на ладони тускло поблёскивал увесистый золотой слиток.

Глаза привратника округлились, он мгновенно согнулся в три погибели, подобострастно лебезя перед незнакомцем:

— Ох, вспомнил, вспомнил! Приходил паренёк, точно! Спрашивал про девицу по фамилии Сяо. Мой хозяин — уважаемый господин Ван, а я, старый дурак, сперва не разобрал... Но если память мне не изменя, тот малец разыскивал некую Сяо Чанчу!

Стоило ему договорить, как перед глазами промелькнула тень, и таинственный гость исчез, словно его и не было. Слуга лишь головой покачал. Сжав в кулаке драгоценный слиток, он довольно ухмыльнулся — ай да день, ай да удача! Сон с него как рукой сняло.

Забрать из «Превосходного вкуса» тёплые каштановые пирожные, Ли Мэн не стал спешить в гостиницу. Около часа он бесцельно бродил по оживлённым улочкам. Юноша вырос на северо-западе, в суровом Жуйчжоу, затем судьба забросила его в Чжунъань, а после — в приграничный Линьчжоу. Вся его жизнь прошла на севере, и здешний Юньинь с его прохладными каналами и изящными мостиками казался ему диковинным, сказочным краем.

Проходя мимо лавки цветочника, Ли Мэн засмотрелся на буйство красок и невольно замедлил шаг.

— Почём эта зелень? — спросил он, присаживаясь на корточки перед невзрачным на вид кустиком, названия которого не знал.

Торговец тут же подскочил к нему с широкой улыбкой:

— Э-э, молодой господин, это и цветком-то назвать сложно, цветёт мелко да блекло. Если хотите порадовать глаз, возьмите зимнюю сливу — краше неё сейчас ничего не найдёте!

— Нет, хочу этот, — упрямо мотнул головой Ли Мэн. Травка приглянулась ему с первого взгляда, и менять выбор он не собирался.

Продавец пожал плечами и пересадил кустик в простой глиняный горшок. Ли Мэн приобрёл, по сути, самую обычную ароматную траву. Но её сочные изумрудные листья, покрытые едва заметными крапинками, выглядели на удивление свежо и уютно.

— Ну, хозяин — барин, — добродушно промолвил лавочник, передавая горшок. — Если в дороге сморит усталость, просто сорви листик этой мяты да пожуй — мигом взбодрись. Держи, парень, и заглядывай ещё!

Ли Мэн бережно прижал к груди горшок с мятой, подхватил свёрток с пирожными и неторопливо побрёл дальше, глаза по сторонам. Он даже не догадывался, что за каждым его шагом из толпы следит внимательный взгляд.

По пути он наткнулся на азартную толпу, наблюдавшую за петушиными боями. Поставив смех ради пару медных монет, он умудрился выиграть четыре. Повеселев, Ли Мэн вспомнил, что им сегодня уезжать, и не стал задерживаться. На перекрёстке напротив постоянного двора он прикупил острой закуски из улиток, маринованных овощей, а подумав, прихватил ещё и кувшинчик сладкого сливового вина.

Вернувшись в их комнату, Ли Мэн обнаружил, что учителя всё ещё нет. Он спустился во внутренний дворик, снял с верёвки две лёгкие мантии, вывешенные сушиться ещё вчера, аккуратно сложил их и поднялся обратно. Навалилась внезапная сонливость. Решив не терять времени, юноша прилёг на кровать прямо в одежде, намереваясь немного вздремнуть до возвращения Чжао Лои.

Прошло совсем немного времени, когда дверь тихо скрипнула. Чжао Лои вошёл в комнату бесшумно, стараясь не тревожить чуткий сон. Но Ли Мэн спал беспробудно, тихо и ровно дыша.

На округлых щеках юноши всё ещё сохранялась детская припухлость. Чжао Лои молча разглядывал спящего. Ему вспомнилось, как он забрал мальчишку из Чжунъяня. Тот тогда целыми днями не произносил ни слова, отказывался от еды и упрямо смотрел в стену. Сам Чжао Лои совершенно не умел ладить с детьми, да и ученика взял неохотно, уступая чужой воле. В те дни он не раз порывался просто бросить обузу где-нибудь у дороги.

Стояла такая же суровая, снежная зима. Чжао Лои ушёл, намереваясь не возвращаться, но через полдня, терзаемый странным беспокойством, всё же повернул назад. Уходя, он бросил

мальчишке лишь холодное: «У меня дела. Вернусь не скоро. Хочешь — жди здесь, не хочешь — иди на все четыре стороны, авось какой добрый человек и покормит».

Местом их стоянки была продуваемая всеми ветрами резная галерея посреди озера — извилистый крытый мостик, ведущий к уединённой беседке. Обычно здесь собирался праздный люд, но из-за непрекращающегося снегопада озеро затянуло толстым слоем льда, и ловить рыбу или любоваться кувшинками никто не шёл.

Когда Чжао Лои вернулся, он увидел Ли Мэна. Мальчик сидел на ледяном полу, сжавшись в комочек у опорного столба, и безуспешно пытался согреться во сне.

Крошечный, жалкий силуэт. На нём болтался старый, купленный на скорую руку с чужого плеча халат, который был ему явно велик и теперь укутывал его худое тело, словно рваное одеяло.

Чжао Лои тогда следовало просто развернуться и уйти. Неподалёку уже крутилась подозрительная толстуха — торговка живым товаром, поглядывая на беззащитного сироту хищным взглядом. Оставь он мальчишку, и эта баба непременно прибрала бы его к рукам, чтобы продать в какой-нибудь дом — на радость или на погибель.

Но вместо этого Чжао Лои молча сорвал с плеч тяжёлый плащ, укутал в него спящего Ли Мэна и, подхватив на руки, стремительно зашагал прочь.

Ли Мэн очнулся, когда они уже скакали по тракту в сторону Башни Десяти Направлений в Жуйчжоу. Должно быть, его разбудила тряска. С того самого момента между ними установилось странное, молчаливое понимание.

Первое, что хрипло произнёс тогда пришедший в себя мальчишка, было:

— Кажется, у меня жар. Найди мне какое-нибудь лекарство.

Привыкший к барской жизни молодой господин даже не подумал о вежливости. Позже, вспоминая тот случай, Ли Мэн списывал всё на бред: надо же было додуматься — требовать чего-то от безжалостного убийцы Чжао Лои! Смерти он тогда точно не боялся.

Сейчас Чжао Лои стоял у кровати, зажав между указательным и средним пальцами тонкое стальное лезвие. Его взгляд медленно скользнул по столу.

Горшок с мятой, два нарядных бумажных свертка из «Превосходного вкуса», нехитрые лакомства из лавки напротив... От кувшинчика пахло речными улитками в специях. Запах был резким, и даже сквозь плотную обертку тонкое обоняние Чжао Лои уловило его. Ли Мэн явно выстоял немалую очередь, чтобы раздобыть это лакомство. Рядом высилась глиняная бутылка со вчерашним сливовым вином.

Чжао Лои протянул руку и слегка отвёл в сторону воротник рубахи спящего. Ли Мэн заворочался, насупив брови во сне. Внезапно он потянулся навстречу теплу, перехватил ладонь учителя и прижался к ней щекой, тихо посапывая. Спустя мгновение он отпустил его руку и, повернувшись на другой бок, крепко обнял подушку.

Чжао Лои опасно прищурился. Прервать эту жизнь для него было делом одного мгновения. Мальчишка с его жалкими крупными боевыми искусствами в глазах великого убийцы ничем не отличался от немогнющего книжника. Одно движение — и кровь бесшумно пропитает простыни, а несчастный даже не успеет почувствовать боли, прежде чем навеки уйти во тьму.

В комнате повисла мёртвая, зловещая тишина.

Чжао Лои медленно опустил свободную руку на шею Ли Мэна, нащупывая сонную артерию. Под его загрубевшими, мозолистыми пальцами затрепетала тонкая, нежная кожа. Ли Мэн был ещё совсем юн. Хотя последние два года Чжао Лои постоянно перепоручал его заботам разных людей, мальчишка почти не знал настоящих лишений — в его облике всё ещё угадывалось холёное благородство младшего сына министра юстиции.

В памяти всплыл образ покойного Ли Линя, а затем — слова Цинь Чжэньчжэнь о чести и прямоте этого семейства. Чжао Лои застыл, нависая над кроватью. В голове медленно ворочалась мысль о золоте, полученном от генерала Чэнь Шо. В конце концов, этот щенок не способен навлечь на него настоящую беду. А если и затеет глупость — Чжао Лои всегда сможет пресечь её на корню. Из-под его надзора не вырваться.

Безжалостный убийца Цюнцзи ни за что не признал бы, что сейчас проявил слабость. И пускай покойный наставник при жизни частенько корил его за скудоумие, сам Чжао Лои с этим в корне не соглашался. Как-никак, за его плечами были сотни успешно выполненных заказов, принёсших Башне Десяти Направлений несметные богатства. И упрямый Цюнцзи категорически отказывался списывать свои триумфы на слепую удачу.

В этот самый момент сквозь сон Ли Мэн ощутил, как к его горлу прикоснулось нечто ледяное. Тело юноши мгновенно сковал ужас, спина покрылась холодным потом. Хотя на самом деле Чжао Лои ещё даже не принял окончательного решения.

Поняв, что уйти от удара не успеет, Ли Мэн резко распахнул глаза. Спросонья его лицо исказила гримаса испуга, но едва он разглядел перед собой фигуру учителя, страх сменился облегчением. Юноша порывисто вскинул руки и мёртвой хваткой обвил шею Чжао Лои.

Чжао Лои ошеломлённо замер. Его зрачки сузились, а всё тело напряглось, словно натянутая тетива.

Ли Мэн всё ещё чувствовал чужие пальцы на своей шее. Одежда на его спине взмокла от пота, он уткнулся лицом в плечо учителя, шумно и прерывисто дыша, пытаясь унять дрожь.

— Ты чего? — холодно спросил Чжао Лои.

Он медленно убрал руку от его шеи. Невидимые тиски, сжимавшие сердце Ли Мэна, наконец ослабли. Юноша доверчиво потёрся щекой о его плечо. Чжао Лои, не подозревая, что его умысел был раскрыт, решил, что пареньку просто привиделся кошмар.

Но Ли Мэн действительно был напуган до смерти — его была крупная дрожь. Чжао Лои помедлил секунду, незаметно пряча лезвие в широкий рукав, а затем неловко опустил ладонь на спину ученика. Ему ещё никогда не приходилось так обнимать кого-то, и это непривычное тепло рождало в груди странное смятие. С другой стороны, он ведь его наставник. Тот же Таоу, едва обзаведясь учениками, сразу начинал кудахтать над ними, точно наседка.

— Ну всё, будет тебе. Кошмар приснился? — Чжао Лои осторожно отстранил юношу.

Заметив, что у Ли Мэна покраснели глаза, он поднялся, смочил в тазу чистую ткань и грубовато, но заботливо утёр ему лицо.

— Такой взрослый лоб, а ревёшь из-за дурного сна. Не стыдно?

Сидя вплотную к нему, Ли Мэн шумно шмыгнул носом и обиженно надулся:

— Перед учителем позориться не зазорно.

—... — Чжао Лои промолчал, переваривая услышанное, но всё же не удержался: — И что же тебе привиделось?

Ли Мэн опустил голову и принялся усердно ковырять пальцами край одеяла, упорно отмалчиваясь. Чжао Лои подумал, что единственным по-настоящему страшным потрясением в жизни этого изнеженного барчука было разорение его семьи. Наверняка парню приснился казнённый отец или погибшие братья. Он решил не беречь старые раны и не стал настаивать.

Немного успокоившись, Ли Мэн поднял взгляд:

— Учитель...

Его покрасневшие глаза сейчас казались огромными, напоминая Чжао Лои преданного дворового пса.

— Говори.

— Ты ведь не бросишь меня из-за того, что я обуза? — с надеждой спросил Ли Мэн, заглядывая ему в лицо.

«Точно, тоска по семье»

Чжао Лои мысленно подтвердил свои догадки и бесстрастно ответил:

— Я не умру раньше тебя.

Ли Мэн шмыгнул носом, забрал у него влажную ткань и сам усердно вытер лицо.

— Когда мы выезжаем?

Чжао Лои только собрался ответить, как в дверь бесцеремонно забарабанили. Это был Хо Ляньюнь, призывавший их спускаться к обеду.

Покончив с трапезой, Чжао Лои закрепил дорожный узел у себя за спиной, помог Ли Мэну пристегнуть меч и, усадив юношу в седло, вывел коня со двора. Хо Ляньюнь уже ждал их на улице. Услышав стук копыт, он развернул своего скакуна и поехал впереди, прокладывая путь. Чжао Лои устроился позади Ли Мэна, прикрывая багаж широкой бамбуковой шляпой-доули, висевшей за спиной.

— Не удержишься — хватай коня за гриву, — негромко бросил Чжао Лои над самым ухом Ли Мэна.

— Хорошо! — звонко отозвался тот.

За воротами Юньиня потянулись дикие, поросшие лесом горы. Зимняя дорога была сурова, ледяной ветер безжалостно хлестал путников в лицо. Вскоре уши Ли Мэна совсем онемели от холода и покраснели. Чжао Лои время от времени растирал их огрубевшими пальцами или просто наклонялся, согревая мальчишку своим дыханием.

Сам Ли Мэн всю дорогу бережно прижимал к груди горшок с мятой, укутанный плотной тканью так, что наружу торчали лишь сочные зелёные побеги. На каждой короткой стоянке он первым делом разворачивал укрытие, давая растению подышать.

— Твой малец ещё совсем ребёнок. Забавный он, — усмехнулся Хо Ляньюнь, отпивая горячий чай.

Они остановились у придорожного навеса. Вокруг не было ни души: близился конец года, до праздника Весны оставалось всего три дня, и случайные путники давно разъехались по домам.

— Изнеженный бездельник. Великих дел ему не свершить, — безжалостно отрезал Чжао Лои.

Ли Мэн, сидевший неподалёку, прекрасно слышал эти ледяные слова, но даже не повёл бровью. Склонив голову набок, он сосредоточенно разглядывал свой кустик мяты, а затем попросил у хозяина лавки немного тёплой воды, чтобы полить землю, пока полуденное солнце хоть немного грело воздух.

— С таким наставником ему и не нужно ни о чём беспокоиться. Все великие дела ты за него сделаешь, — расхохотался Хо Ляньюнь. — До Фэнъяна осталось три перехода. Если поднажмём, к закату доберёмся до Цяна, там и дадим коням перевести дух.

— Решай сам, — безучастно отозвался Чжао Лои, не сводя глаз с Ли Мэна.

Хо Ляньюнь смерил его странным взглядом. Чжао Лои отродясь ни к кому не проявлял заботы, но после отъезда из Юнъяна буквально не спускал глаз со своего подопечного. Слегка уязвлённый этим пренебрежением, второй шишу проворчал:

— Зря ты в своё время не поучился у Таоу лекарскому искусству как следует. Настоящий недоучка. Прошёл уже целый месяц, а у меня в груди до сих пор ноет рана.

— Если не нравится, возвращайся в Линьчжоу и лечись у Таоу сам, — холодно парировал Чжао Лои.

— Да я ради вас, оболтусов, весь этот путь проделал! Как проклятый надрывался, делил с вами золото, хлеб и кров! И теперь ты меня гонишь? — Хо Ляньюнь возмущённо вскинул брови и процедил сквозь зубы: — К тому же, если я останусь один, кто защитит меня от убийц?

Чжао Лои раздражённо поморщился:

— Никто тебя не убьёт. Слишком много чести.

Хо Ляньюнь на миг лишился дара речи, а затем ткнул пальцем в правую сторону своей груди:

— А это, по-твоему, что такое было?!

— Если бы ты не подставился под удар, я бы сам его принял. Избавил бы меня от лишней мороки, — бросил Чжао Лои.

—... — Хо Ляньюнь едва не подскочил на месте, готовый разразиться яростной тирадой.

Но Чжао Лои даже не взглянул на него. Он невозмутимо поднялся и позвал Ли Мэна:

— Выдвигаемся.

Юноша поспешно укутал свой горшок, позволил учителю усадить себя в седло и крепко обхватил поводья. Хо Ляньюнь, яростно чертыхаясь, швырнул хозяину лавки несколько медных монет и поспешил за ними — он прекрасно знал, что Чжао Лои не станет его дожидаться.

<http://bllate.org/book/18266/1758806>